

Митрополит Иларион: Божественный суд все возвращает на свои места, совершенно по-иному расставляя акценты

7 ноября 2015 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стал писатель, драматург и телеведущий Эдвард Радзинский.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие телезрители! Вы смотрите передачу «Церковь и мир».

День 7 ноября был когда-то в календаре красной датой. Сейчас, слава Богу, нет этого праздника, установленного в честь Октябрьской революции – события, переломившего ход нашей отечественной истории. До сих пор историки, ученые, писатели, простые граждане спорят о революции, хорошо это было или плохо. В одной из передач мы начали говорить на эту тему и сегодня продолжим с писателем, драматургом и телеведущим Эдвардом Радзинским, человеком, посвятившем немало книг и телепередач этой теме.

Здравствуйте, Эдвард Станиславович!

Э. Радзинский: Здравствуйте, владыка!

В то время, когда началась перестройка, я был драматургом. В Москве одновременно шли 9 моих пьес. Их ставили самые знаменитые режиссеры – Товстоногов, Гончаров, Фокин, Виктук. В этих спектаклях играли все, кто был в Москве. Это было необычайное время.

Но по профессии я историк. Я окончил Историко-архивный институт, наверное, у одного из самых блестящих наших историков – Александра Александровича Зимина. Окончил с отличием, но отказывался работать по профессии, потому что не знал, как это возможно в таких условиях. Дело в том, что каждое историческое сочинение имело список обязательной литературы, включавший в себя работы классиков марксизма-ленинизма. Таким образом, получалось, что вся ваша работа есть доказательство правильности их цитат или их цитаты есть доказательство правильности вашей работы. Я не мог так работать.

Но когда открылись архивы, я понял, что должен уходить из театра, где у меня, конечно же, были

и годы молчания – когда снимали с репертуара мои пьесы... Но вот когда все оказалось можно, я должен был это оставить.

Митрополит Иларион: Если я правильно понял, Вы ушли из истории в театр, потому что не могли работать историком в том прокрустовом ложе, которое предоставлялось для советского историка. И Вы фактически оставили деятельность драматурга и вернулись к своей профессиональной деятельности историка тогда, когда стало возможно работать в архивах, находить документы и вскрывать ту подлинную историю нашего Отечества, от которой мы были отлучены в течение 70 лет.

Э. Радзинский: Совершенно верно. Это был океан документов, готовый буквально вас захлестнуть. Я пришел в архив и спросил: «А что, были дневники Николая II?» И мне показали дневники из Ипатьевского дома, которые забрал Юровский. У меня даже возникло ощущение пыли того дома... Я листал дневник, его страницы слиплись, их с 20-х годов никто не открывал. Николая II расстреляли без суда и следствия, не дав ему последнего слова. Людовик XVI имел это слово, у него были адвокаты. А здесь все закончилось в грязном подвале... Моя задача была – не обсуждать, правильное было правление или неправильное, туда ли он вел страну, я хотел лишь познакомить читателей с этим человеком. Причем познакомить оказалось очень легко, так как он сам в пятидесяти тетрадях рассказал про свою жизнь.

Митрополит Иларион: Да, Николай II вел дневник на протяжении всей жизни, а императрица – до последнего дня. Я это помню в том числе из Ваших передач.

Э. Радзинский: Да.

Митрополит Иларион: Церковь в те годы тоже проводила работу, похожую на ту, о которой Вы сейчас рассказываете. И мы ведь тоже не ставили перед собой задачу дать оценку правлению Николая II, чтобы потом сказать, удачным оно было или нет. Мы ставили перед собой цель понять, что представлял собой этот человек по отношению к тому христианскому идеалу, который именуется «святостью». Когда встал вопрос о его канонизации, внутри Церкви были жаркие споры, как за, так и против. Приводились самые разные аргументы против канонизации. В конце концов, Николая II канонизировали как страстотерпца, то есть как человека, который вместе со своей семьей и слугами претерпел безвинную смерть, по образцу первых российских страстотерпцев Бориса и Глеба, которые не были мучениками за Христа в строгом смысле этого слова, но Церковь их прославила в лике святых.

На первый взгляд кажется удивительным, что человек, который является исторической личностью, правителем Руси, причислен к лику святых. Я хорошо помню тот момент, когда состоялась

канонизация. Я присутствовал на Архиерейском Соборе еще в качестве сотрудника Патриархии. Помню, как до последнего дня шли споры, обсуждения на самом Соборе, но как только проголосовали за канонизацию и все встали – это был совершенно необыкновенный момент. Мы вдруг почувствовали, что свершилось то правосудие, которого он был лишен в этом подвале, когда ему не дали ни последнего слова, ни последнего вздоха, насильственно оборвав жизнь. Правосудие свершилось, и Церковь назвала вещи своими именами.

Э. Радзинский: Да. Это было невероятно важно.

Так как я окончил Историко-архивный институт, то очень хорошо знал историю государственного учреждения. Россия – страна бюрократическая. Большевики, которые разрушили государство, с самого первого момента начинают заводить бюрократическую машину.

Моей задачей было понять, где искать тот документ под названием «Записка Юровского», который, я знал это еще из института, должен был быть. Когда я его нашел, то опубликовал в журнале «Огонек». Это была, наверное, первая публикация в официальном советском журнале об этом зверском расстреле – с огромным портретом государя и с текстом о его кончине. Причем вышла она в день его рождения – 18 мая.

Все, что я находил в архиве, я начал периодически издавать. Я напечатал показания практически всех участников расстрела, которые тогда еще были засекречены. Эти показания мне присылали люди, которые это видели, а я публиковал.

Одновременно с этим я писал книгу, но никак не мог ее закончить. И я не понимал, зачем ее написал. Убили семью, убили миллионы, страну уничтожали. Что тут? И вдруг в какое-то мгновение я понял, что это история о прощении, ведь Николай II написал самые важные слова...

Митрополит Иларион: ...о том, что он всех простил.

Э. Радзинский: Да. В момент, когда страна объята безумием и ненавистью, возникает это чувство прощения.

Каждый раз, когда я публиковал отдельные главы своей книги в «Огоньке», я получал сотни писем от читателей с вопросами: а где они? Где палачи? Где семья Юровского? Все, о чем я писал, вызывало бурную реакцию, и я понял, что такие фрагменты нельзя печатать в главном журнале.

Я не был прозаиком. Мне сделали подарок: мое первое прозаическое произведение печаталось в таком журнале как «Огонек». И после этого прийти и сказать, что не буду больше печататься... Это

был, наверное, самый трагический ход в моей жизни. Я сказал редактору, что больше не буду печатать свою книгу, я не мог печатать книгу о прощении, которая так действует на читателя. «Но Вы же понимаете, что больше ни один журнал Вас не напечатает?» – спросил меня редактор. Я это понимал. И тогда он мне предложил написать письмо – обращение к читателю, где я объяснил, почему я прерываю публикацию. В следующем номере было напечатано это письмо, а книги больше не было. Я понял, что убил книгу.

Митрополит Иларион: Работа, которую Вы провели, в те годы, безусловно, имела большой резонанс и огромную значимость. Вы были первым, кто пришли в эти архивы, прикоснулись к пыльным дневникам, пролежавшим много десятилетий. Вы обратили на них внимание и сделали весь этот материал, всю эту огромную тему, которая имеет прямое отношение ко всей нашей истории, революции, нашему прошлому, настоящему и будущему, достоянием общественности.

Неслучайно образ государя императора Николая Александровича вызывает до сих пор противоречивые оценки, ведь его можно оценивать с разных сторон: как государственного деятеля, как политика, как семьянина, как военачальника. Оценка здесь никогда не может быть вполне объективной, она всегда будет субъективной. Но когда мы все-таки говорим о революции, мы смотрим на то время, которое ей предшествовало, и на то, что за этим последовало. И мы понимаем, что любые недостатки, недочеты, промахи, ошибки той государственной власти абсолютно не сопоставимы с теми чудовищными преступлениями, которые были совершены теми, кто пришел на смену этой власти. Мы сталкиваемся с одним из парадоксов нашей отечественной истории.

Наша история, как мы с Вами говорили, на протяжении веков развивалась неким эволюционным путем. У нас было много трагических событий, связанных, прежде всего, с нашествием иноплемеников, прежде всего, с тем, что на нашу Родину посягали, и народ находил в себе силы за веру, царя и Отечество полагать свои жизни и отстаивать свою Родину и свои святыни. И то, что произошло в 1917 году – через два года будет печальный 100-летний юбилей этого события – это был подлинный разлом всей нашей истории.

До сих пор нам очень трудно по крупицам восстанавливать наше прошлое. Но если мы не станем этого делать, то у нас не будет того твердого базиса, на котором должно строиться наше настоящее и будущее. Люди до сих пор диаметрально расходятся в оценках нашего прошлого, в частности, революции, в оценках ее предпосылок и последствий.

Но сегодня мы видим, что постепенно история все расставляет по своим местам. Например, образ государя императора Николая Александровича, который на протяжении десятилетий представлялся не иначе как в карикатурном свете (если вообще о нем упоминали в исторических

книгах), сегодня известен миллионам людей именно как положительный. Опять же, вне зависимости от этих оценок, которые даются его правлению, мы видим, что то место, где произошли страшные трагические события этой последней ночи в жизни царской семьи, сейчас стало местом паломничества: десятки тысяч людей приезжают со всей страны, из-за рубежа, чтобы вознести здесь молитву об убиенных. Они также возносят молитву и самим Царственным мученикам как небесным покровителям нашего Отечества.

Это потрясающая метаморфоза, когда человек, который сначала был камнем преткновения для многих, был свергнут как правитель, а затем зверски убит вместе со всей своей семьей, и на протяжении семидесяти лет его имя предавалось поруганию и поношению, вдруг потом как бы воскресает из мертвых – когда осужденный несправедливо на земле, как был осужден Сам Господь Иисус Христос, он получает славу на небесах и предстает перед нами уже как святой страстотерпец.

Мы видим в судьбе Николая II черты, которые сближают его с Христом. Они сближают его с тем "русским" Христом, о котором мы узнаем из творчества наших писателей, в частности, Достоевского. Я думаю, что такой человек как Николай Александрович вполне мог быть одним из героев Достоевского. Это своего рода князь Мышкин, который по человеческим меркам, может быть, является неудачником, который все проиграл, но в итоге мы видим, что Божественная справедливость и Божественный суд все возвращает на свои места, совершенно по-иному расставляя акценты.

Я хотел бы поблагодарить Вас, Эдвард Станиславович, что были гостем нашей передачи. Спасибо Вам за все что Вы делаете для восстановления нашей истории и для того, чтобы она была известна широкому кругу читателей и телезрителей.

Служба коммуникации ОВЦС